

Пролог

Такая тишина бывает только зимой, когда сезонные гости еще не овладели архипелагом и ихеры принадлежат только их постоянным обитателям. Над темной гладью воды воздух кристально чистый и плотный, как стекло, и на суше еще белеют отдельные островки нарастающего снега.

Стайка крохалей¹ обозначилась точками в небе, под ней, низко над горизонтом, стоит солнце.

— Помогите мне, — хрипит он. — Помогите, бога ради.

Ему бросают канат с петлей на конце, в которую ему удастся пролезть.

— Теперь тащите...

Он фыркает, пытаясь ухватиться за борт негнущимися пальцами, и выглядит удивленным, когда через борт переваливается якорь. Как будто еще не понимает, что ему осталось жить несколько секунд, прежде чем чугунная штуковина утянет его на дно.

Рука, запутавшаяся в рыболовной сети, — последнее, что появляется на поверхности, а потом темная гладь снова смыкается с похожим на вздох звуком.

Трещит мотор — и лодка медленно разворачивается в сторону гавани.

¹ Птицы из семейства утиных.

Понедельник, первая неделя

Глава 1

— Ко мне, Пикси, ко мне...

Мужчина на берегу раздраженно высматривает таксу. Конечно, собаку можно понять после стольких дней взаперти в тесной каюте, но немного дисциплины не помешало бы. По-хорошему, ее давно бы следовало привязать. На Сандхамне, в Стокгольмских шхерах, летом собакам не разрешается гулять без поводка, но «девочка» выглядела такой счастливой, что хозяин просто не мог не наплевать на этот запрет.

Тем более ранним утром, когда вокруг никого нет, кроме чаек. Жители немногих домов у побережья еще не проснулись. Воздух чистый и свежий, как будто омыт ночным ливнем. И теплое солнце обещает еще один погожий день.

Легко шагать по уплотнившемуся от влаги песку. Низенькие сосны сменяются зарослями песчаного колосняка и желтыми цветами, которые часто встречаются у воды. У самой кромки в волнах веером полощутся водоросли. Одинокая лодка отчаливает от Фалькена в восточном направлении. Куда же запропастилась эта чертова псина?

Мужчина идет на радостный, залиvistый лай. Маленький хвост так и ходит из стороны в сторону. Пикси стоит у скалы и что-то нюхает, на таком расстоянии невозможно разобрать, что именно. Приблизившись, мужчина чувствует неприятный запах, который вскоре окутывает его кисловато-удушающим облаком. Возле

скалы лежит нечто похожее на ворох тряпья. Мужчина наклоняется, чтобы отогнать собаку, и видит полную водорослей рыболовную сеть. А потом вдруг понимает, что это такое на самом деле.

Из этого куля, набитого водорослями и тому подобными дарами моря, выглядывает пара босых ног. На обеих не хватает нескольких пальцев. Кости торчат, как обглоданные, из ошметков сморщенной зеленоватой кожи. Мужчина чувствует, что его вот-вот вырвет, и не успевает ничего сделать, прежде чем желудок выворачивается наизнанку. Розоватая жижа попадает ему на ботинки, но мужчина ничего не замечает.

Вернувшись в вертикальное положение, он идет к морю ополоснуть рот, после чего достает мобильник и набирает номер службы спасения.

Глава 2

Инспектор уголовной полиции Томас Андреассон действительно ждал этого отпуска. Четыре недели в летнем домике на острове Харё в Стокгольмских шхерах. Утренние купания, гребля на каяках, мясо на решетке и обязательный визит к крестнику на Сандхамн.

Вообще Томас Андреассон предпочитал отпуск в августе, когда и вода теплее, и погожих дней больше. Но в этом году, так уж получилось, в городе стало невыносимо тоскливо уже после праздника летнего солнцестояния, и инспектора потянуло в шхеры.

Отдел уголовных преступлений участка в Наке, куда Томас перевелся в прошлом году, оказался жарким местом. Зато было и чему поучиться, даже для инспектора с четырнадцатилетним стажем, восемь лет которого приходилось на морскую полицию.

Томас имел опыт управления почти всеми судами, имевшимися на вооружении морской полиции — от во-

енного штурмовика СВ90 до катера Яна Шерфе¹ 9980 и жестко-корпусной надувной лодки. Он знал шхеры как свои пять пальцев — все мели до единой плюс места, особо опасные при малой воде. И каких только оправданий не наслушался от горе-мореходов, особенно нетрезвых. Томас занимался всем — от угнанных катеров и актов вандализма до заблудившихся иностранцев и застрявших на островах подростков. Выслушивал постоянные жалобы на незаконную рыбную ловлю, но морская полиция мало что могла с этим поделать. Разве закрыть глаза на произвол местных жителей, самовольно конфискующих сети тех, кто не уважал прав на рыбные промыслы.

В общем и целом Томасу это нравилось, и если бы не маленькая Эмили, ему и в голову не пришла бы мысль о переводе. Ну а потом, когда все надежды рухнули, он просто не нашел в себе силы вернуться на прежнее место. Теперь проблема была в том, чтобы пережить очередной день.

Темпы работы в Наке оказались не менее напряженными, но Томас на удивление быстро приспособился к новой форме работы. Хотя время от времени, особенно летом, и тосковал по рейдам в шхеры и морю.

В приоткрытой двери показалась коротко стриженная голова Маргит Гранквист — коллеги Томаса и более опытного полицейского инспектора.

— Томас, пошли к Дедушке. Говорят, где-то на Сандханме нашли мертвеца.

Томас поднял глаза.

Дедушкой называли шефа уголовного отдела полицейского участка в Наке, которого на самом деле звали Йоран Персон² — так же, как премьер-министра. Дру-

¹ Ян Шерфе (1922–2008) — шведский конструктор катеров.

² Ханс Йоран Персон (р. 1949) — премьер-министр Швеции с 1996 по 2006 год.

гой посчитал бы это совпадение счастливым, но шеф всячески стремился отмежеваться от знаменитого тезки и не упускал случая лишний раз намекнуть, что его политические взгляды совсем не обязательно совпадают с таковыми известного политика. О каких именно взглядах идет речь, Дедушка не уточнял. На беду, он отличался полнотой, что еще больше сближало его с премьер-министром и увеличивало количество раздражавших намеков со стороны коллег.

В общем и целом, это был полицейский старой закваски — жестковатый, немногословный, но умеющий создать вокруг себя доброжелательную атмосферу и за это любимый подчиненными. Его отличали дотошность, профессионализм и очень, очень богатый опыт.

Когда Томас вошел в кабинет Дедушки, Маргит уже была там, с очередной чашкой кофе. Местный кофейный автомат производил напиток, способный уничтожить все живое, настоящий крысиный яд, поэтому вид невредимой Маргит каждый раз вызывал у Томаса удивление. Сам он давно перешел на чай.

— Итак, на северо-западном побережье Сандхамна обнаружен труп мужчины, — начал Дедушка. — Порядком подпорченный; похоже, пролежал в воде достаточно долго.

Отметив что-то в записной книжке, Маргит подняла глаза:

— Кто его нашел?

— Какой-то бедняга-лодочник. Парень был потрясен, зрелище не из приятных. Около семи утра позвонил в службу спасения. Он выгуливал собаку на берегу, где и наткнулся на тело.

— Есть основания подозревать убийство? — Томас тоже достал блокнот. — Признаки насилия, нанесения телесных повреждений...

— Об этом говорить рано. Покойник найден буквально завернутым в рыболовную сеть или что-то вроде

того. Морская полиция уже в пути, со всем, что нужно для транспортировки тела.

Дедушка повернулся к Томасу:

— У тебя дом на Харё, насколько я помню. Это ведь недалеко от Сандхамна?

Томас кивнул:

— От одного острова до другого десять-пятнадцать минут пути.

— Отлично. Значит, тебе знакомы те места. Будешь в Сандхамне, загляни и туда. Заодно наведишь старых друзей в морской полиции.

Лукавая усмешка тронула губы Дедушки.

— Есть основание возбуждать дело об убийстве? — Томас заглянул шефу в глаза.

— Пока что это смерть от неустановленных причин. Когда речь пойдет об убийстве, Маргит будет руководителем следственной группы, а до того, думаю, заняться им можешь ты.

— Мне это просто донельзя кстати, — подала голос Маргит. — Ты и представить себе не можешь, сколько отчетов мне нужно сдать до отпуска.

Решительный кивок подчеркнул ее отчаяние. Обратный отсчет пошел. Несколько дней бумажной рутины — и вот она, долгожданная свобода в виде съемного домика на западном побережье и четырех недель только с семьей.

Дедушка взглянул на часы.

— Полицейский вертолет уже в городе, — сказал он. — Они могут забрать тебя и криминалистов через двадцать минут с площадки возле Шлюза. Обратное полетишь с морскими полицейскими... Ну, или вернешься на рейсовом катере.

На последней фразе шеф снова усмехнулся.

— Без возражений, — улыбнулся Томас. — Ты можешь принудить меня к полету на вертолете в любое время дня и ночи.

Дедушка поднялся, давая понять, что совещание окончено.

— Договорились. Дашь знать, когда вернешься, чтобы я тоже был в курсе.

Шеф встал в дверях, почесывая подбородок:

— И расслабься, Томас. Середина лета, туристический сезон — там должно быть здорово. Толпы взбужденных туристов и журналистов — последнее, что нам нужно. Ты же знаешь газетчиков. С каким удовольствием они поменяют рекомендации относительно особенностей секса летом на досужие домыслы об убийстве в шхерах.

Маргит ободряюще улыбнулась Томасу.

— Расслабься у тебя точно получится. Звони, если возникнут вопросы. И не делай поспешных выводов, дождись результатов криминалистической экспертизы.

Томас надел кожаную куртку, с которой не расставался в любую погоду. На пути к двери обернулся:

— Как думаешь, сможет вертолет высадить меня на Харё, когда мы закончим?

— Конечно. Уж если правительственный вертолет мчит Томаса Будстрёма¹ в отпуск в солнечную Грецию, то стокгольмская полиция точно сможет доставить инспектора Томаса Андреассона к порогу его дома.

Дедушка был явно доволен собственным остроумием. Маргит тряхнула головой и тоже не смогла сдержать улыбки.

— До связи, Томас. Передавай привет шхерам.

Она еще шире растянула губы и салютовала рукой.

Глава 3

— Привет.

Когда раздался звонок, Нора Линде автоматически схватила мобильный и нажала кнопку «принять вызов». Только потом сообразила, что это будильник.

¹ Томас Будстрём — шведский политик и писатель, был министром юстиции в кабинете Йорана Персона.

И не обычный, который у Норы, разумеется, тоже имелся, а функция в мобильнике. Нора предпочитала пользоваться ею просто потому, что так было проще.

Она потянулась. Оглянулась на мужа, лежавшего в постели рядом с ней. Хенрик сопел, как ребенок. Ничто не могло потревожить его сон, кроме, разве что, звонка из больницы. Норе оставалось только завидовать.

При этом выглядел Хенрик в точности так, как в далекий день их свадьбы. Темные волосы, плоский живот, мускулистые руки — от многочисленных заплывов на перегонки. Чуткие кисти врача с длинными пальцами, аристократический профиль с классическим греческим носом. Будь такой у женщины, Нора бы обзавидовалась. Но на мужском лице античный нос смотрелся как бессмысленная роскошь, прихоть природы. Таким образом Нора себя успокаивала, потому что сама была откровенно курносой. В темной шевелюре Хенрика уже мелькала седина — лишнее напоминание о тридцати семи прожитых годах. За ее плечами их было столько же.

Мобильник не унимался.

Нора вздохнула. Вставать без четверти восемь с понедельника по пятницу плохо вписывалось в ее представление об отпуске. Но когда живешь на таком острове, как Сандхамн, дети должны учиться плавать. В то время, которое им предложат.

Нора зевнула, кое-как накинула халат и поковыляла в детскую. Шестилетний Симон ткнулся лицом в подушку. Удивительно, как ему удавалось дышать в таком положении. Адам, почти десятилетний, лежал поперек кровати, скинув на пол одеяло. Его почти белые, чуть выющиеся на затылке волосы взмокли от пота.

Оба мальчика крепко спали.

У Симона занятия по плаванию начинались в девять, у Адама в половине одиннадцатого. Поэтому Нора успевала вернуться с младшим и проконтролировать завтрак старшего, прежде чем тому приходило время седлать велосипед.

Расписание можно было бы считать идеальным, но Норе не хватало общения с другими мамами и папами, с тех пор как она перестала сопровождать Симона. Так уютно сидеть на краю бассейна и беседовать, пока дети снуют по дорожкам из конца в конец. Многие родители сами учились плавать еще вместе с Норой, поэтому большинство их она знала. В те годы не было речи о бассейне с подогревом и теплым душем, и им приходилось, дрожа от холода, прыгать в морскую воду возле Флескберггета, что на северном побережье острова. Именно там и располагалась школа плавания, пока не построили этот бассейн.

При одном только воспоминании о тех уроках кожа делалась гусиной. Зато первые рекорды Нора установила при шестнадцатиградусной температуре воды. Значки до сих пор хранились в родительском доме, в сотне метрах отсюда.

Нора пошла в ванную привести себя в порядок. Пока чистила зубы, заспанно разглядывала свое отражение в зеркале. Взлохмаченные, коротко стриженные волосы. Вздернутый нос. Серые глаза. Спортивная, мускулистая фигура — мальчишеская, можно сказать.

В общем и целом она осталась довольна. Притом что больше всего гордилась длинными, натренированными ногами — результат регулярных утренних пробежек. Хорошо все-таки, что у Норы хватило упорства не бросить бег трусцой. Что же касалось груди, здесь хватать было нечем, особенно после рождения двух детей. Выручали бюстгальтеры, их сегодня делают на любой случай.

Под душем размышляла о том, как изменился Сандхамн с тех пор, как дети пошли в школу плавания. Поток гостей на летний сезон увеличился, и транспорта на острове стало гораздо больше. Появились гидросамолеты для получасовых полетов над архипелагом и вертолеты, доставлявшие голодных туристов в ресторан на воде. Конференц-зал в здании бывшего яхт-клуба —